

ДИСКО- ТЕКА «МК»

УСТАЛА она предельно — это было заметно даже со стороны. Только что закончился фестиваль Интервидения в Сопоте, только что она перенесла воспаление легких.

«Все было против меня», — скажет потом Алла. Но результат — вот он. Гран при фестиваля — янтарный соловей — покоится на черном бархате футляра.

— Цела я «Все могут короли» Рычкова и Дербенева, и именно «короли» принесли победу. Я сжала в Сопот и твердо знала, что с этой песней все будет в порядке — она уже известна в Польше, музыка ритмичная, а текст... Текст талантлив, но ведь иноязычная аудитория. Поэтому чисто режиссерски я кое-что изменила. Тот жест, который обозначает корону и который я применяю обычно в конце песни, вынесла в самое начало.

Алла продолжает рассказывать о Сопоте, о выступлениях других участников, а затем несколько неожиданно говорит:

— А вообще-то больше я «королей», наверное, петь не буду. Не моя это песня...

«Вот тебе раз, — думаю я. — Казалось бы, это песня, неотделимая от образа Пугачевой, стоящая в одном ряду с «Арлекино», «Очень хорошо» и другими. И вдруг — «не моя».

Алла между тем продолжает, не торопясь, тщательно подбирая слова.

— Любимый человек, неведь в том числе, должен постоянно совершенствоваться, меняться, ставить перед собой новые задачи.

У меня с самого начала была потребность по-настоящему, предельно искренне высказаться. Определенные вокальные данные были, и я с первых шагов на эстраде начала петь только то, что чувствую. Исповедь всегда прекрасно воспринималась слушателями. Другое дело, что сперва я людям о себе мало что интересного могла поведать. Когда я начала работать на сцене серьезно? Произошло это в 1975 году на Всесоюзном конкур-

се артистов эстрады. Выступила с двумя песнями моего, как я считаю, амплуа — трагической и комической: «Ермолова с Чистых прудов» и «Посидим, поокаем». К этому времени и появилось чувство, что я реально могу воплотить в словах и музыке то, что хочу сказать людям.

Но даже в этот период я каждый раз представляла перед зрителем как бы в маске: с каждой песней менялся образ — то Арлекино, то наивная русская девушка, то лирическая героиня, то трагический персонаж.

И только сейчас, когда большая часть моей программы состоит из песен-мо-

зат в нем дыру для головы? Другие могут скрывать под таким платком свои физические недостатки — а у Вас же очень красивые руки и фигура...»

— Знакомо? — горько усмехается Алла.

— Знакомо, — соглашаюсь я.

— Если бы дело было только в платье, — продолжает она. — С ним-то более или менее просто. Сшит оно по эскизу Вячеслава Зайцева и меня очень устраивает — это даже не платье, это театральный костюм. Главное в нем — не красота, это, если хотите, моя рабочая спецовка. Его задача — помогать мне создавать на сцене образы мо-

ся, любя? Песня буквально по крохам складывалась, и форма ее исполнения определилась уже на сцене, во время выступления. Зато сейчас я при ее исполнении чувствую себя абсолютно свободно — она позволяет и петь, и говорить, и даже, если хотите, кричать со сцены — зритель все это прекрасно воспринимает.

И, конечно, тексты. «Не отрекаются, любя» — это Вероника Тушнова, но у меня в репертуаре сейчас песни на стихи Шекспира, Мандельштама, Кулиева, Цветаевой, Пастернака, Евтушенко. Это не случайность — это тенденция.

Есть у меня песня «Памяти Лидии Клемент», —

ПРЕДСТАВЛЯЕМ АЛЛУ ПУГАЧЕВУ

БЫЛИ БЫ ПЕСНИ...

нологов, я почти сняла маску и исполняю все песни от собственного лица. Я не открещиваюсь от моих старых песен — в них очень много вложено и связано с ними немало хорошего. Но мне кажется, что я сейчас могу дать зрителю больше, чем раньше.

Правда, кто знает, может быть, тем, кто видел меня в другом репертуаре, в другой манере, больше повезло. Вдруг это уже никогда не повторится... Месяца через два выйдет диск-гигант «Арлекино и другие» — там собраны все песни, выпущенные раньше на маленьких грампластинках.

Читаем письмо, полученное совсем недавно. С разрешения адресата привожу его почти целиком:

«Что до выступления, оно было прекрасным. Но Вам самой-то не стыдно выступать в таком балахоне? Был у Вас какой-то пролеск, когда Вы выступали 8 Марта в Останкине, но Вы снова взяли за старое. Неужели Вам самой не хочется правиться не только голосом, но и внешностью? У кого ни спросишь, все говорят — Пугачева прекрасная певица, ее можно поставить на один уровень с выдающимися мастерами мировой эстрады. Но вот насчет внешности всегда слышишь отрицательный ответ. Неужели так трудно шить нормальное платье с рукавами, а не брать пестрый кусок материи и проре-

их песен, и многообразие этих образов соответствует его многоцветности, свободе. В Польше я записала часовую песенную программу для популярной передачи «Студия-2». Для записи на телевидении мне предложили на выбор десять различных платьев, специально сшитых по этому поводу. Но когда я продемонстрировала возможности своего костюма, который может превратиться и в цыганский, и в «шекспировский», и в детский, и в «магический», и в русский народный — польские товарищи в один голос сказали: пойте в нем...»

Мне бы хотелось, чтобы эстрада у нас была молодым искусством, что не всегда связано с возрастом исполнителя. У меня нет желания продержаться на сцене до 60 лет. Но свей, желательный яркий след в искусстве эстрадной песни я хотела бы оставить. И на этом пути меня никто не оставит. Были бы только песни.

И все же песен не хватает — тут очень важно точно учесть индивидуальность певца. Мне хотелось бы и сейчас свежести, новизны в песне — ее может написать совсем молодой, неизвестный композитор, песня может перерабатываться, переписываться десять раз, главное, чтобы в ней была «изюминка», было бы за что зацепиться. Мы ведь как с Минковским работали над «Не отрекают-

зители «со стажем» помнят эту прекрасную ленинградскую певицу, так безвременно умершую. Как только возникла идея написать эту песню, в памяти всплыли полужабымые стихи:

«...Ленинград, я еще не хочу умирать, у меня телефонов твоих номера. Ленинград, у меня еще есть адреса, по которым найду голову».

Родилась песня, и надо сказать, что воспринималась она зрителями спокойно — ну еще одна, неплохая. Но в Ленинграде во Дворце спорта «Юбилейный» во время моего концерта с первых тактов музыки шесть тысяч зрителей встали и стоя слушали всю песню. У меня даже горло перехватило от волнения — потом мне рассказывали, что билетеры в зале плакали. Произошло идеальное слияние поэзии, музыки и чувств зрителей.

Хотя, бывает, даже при идеальном сочетании текста и музыки, даже если песня мне очень нравится — иной раз я от ее исполнения с эстрады отказываюсь, передаю исполнителю, чей творческой индивидуальности эта песня более соответствует.

Да, хороших песен отчаянно не хватает. Наверное, от отчаяния я и начала сама писать музыку, а иногда и тексты песен. Как говорится, шила в мешке не утаишь — это все равно стало известно. Пришлось

открыть, что довольно длительное время под именем композитора Бориса Горбоноса скрывалась я сама.

Во время работы над фильмом «Женщина, которая поет» я написала несколько песен, поставив на них имя школьного товарища моего мужа Бориса Горбоноса. Сделала я это потому, что принципиально не хотела своим именем влиять на мнение худсовета, было желание пройти весь путь, который проходит молодой, начинающий композитор. Песни были приняты, более того, композитору Горбоносу предложили написать и фоновую музыку для фильма. О том, как «Мосфильм» разыскивал Горбоноса через агентство авторских прав — особый рассказ. Я как-то до сих пор стесняюсь своего «композиторства», может быть, поэтому так долго это скрывала. Можно многое рассказать о том, как мы сочиняли биографию Горбоноса и показывали фотографии на студии — но это скорее уже из области анекдотов. А если серьезно, создание песен — это еще одна возможность для самовыражения.

Заговорили о грамзаписи, о росте ее влияния на популярность артиста.

— По крайней мере сейчас я в основном записываю песни, уже «обкатанные» в концертах, — это как бы итог ее исполнения, а может быть, и финал. Знаете, каким тиражом вышла маленькая пластинка с записью «Арлекино»? 14 миллионов экземпляров. Как говорится, в одной из моих песен: «Хорошо-то, хорошо...» Но когда из каждого второго окна несется одна и та же песня — это уже где-то за пределами искусства...

Алла мельком глянула в огромное зеркало, знакомое многим по обложкам ее последних пластинок, машинально поправила прическу.

— Для большинства зрителей профессия певицы находится в эдаком розовом ореоле — поют, мол, как птички, — чем не жизнь? Ну, о работе над собой мы уже говорили, о том, что каждое выступление, каждый концерт — это растрата души, сердца — тоже. Но ведь очень многое зависит даже не от артиста. Как часто наше дело плохо организуется — неудовлетворительные сценические площадки, плохая аппаратура, свет.

После окончания выступлений на эстраде я мыслю себя только в одном качестве — эстрадного режиссера. Хочу совмещать качества и режиссера-постановщика, и организатора, иметь право формировать программу, привлекать исполнителей, музыкантов.

Л. НИКИТИН,
наш нешт. корр.